

Однако, всё кончилось не так просто. Танбао не вернулась, и они не могли связаться с ней. Дунфан больше не являлся Цяньгу во сне. Ло Ши И был так взволнован, что чуть не бросился в храм Истлевших Чудес, желая вернуть Танбао назад. Шифу редко обедал с ней или приходил в Чертог Безучастия, большую часть времени он проводил один в комнате для медитаций.

Приближалось Собрание Священных Мечей, и все были заняты подготовкой или тренировками. Однако Хуа Цяньгу никак не могла успокоиться. Её снедала тревога о состоянии Бай Цзы Хуа. Однако он, казалось, намеренно избегал ее, и ей было трудно даже встретиться с ним.

Однажды ночью она ворочалась без сна, когда вдруг услышала слабый звук разбившегося чайного сервиза. Сначала она решила, что ей показалось. И все же звук, казалось, исходил из комнаты Шифу. Она никак не могла успокоиться и решила одеться и посмотреть.

Когда она добралась до дверей, то увидела, что в комнате Шифу темно, и долго ходила взад-вперед, не решаясь войти. В последнее время Шифу был очень строг и особенно не любил, когда она его беспокоила.

Постояв некоторое время снаружи, и услышав, что в комнате нет никакой активности, она повернулась, чтобы тихо уйти. Сделав несколько шагов, она вдруг услышала тихий хруст осколков стекла. Хотя звук не был громким, в ночной тишине он был особенно резким. Она как вкопанная встала за дверью, а потом услышала легкое покашливание. Даже при том, что оно было таким легким и сдержанным, это был переломный момент в ее и без того напряженном состоянии.

Она развернулась и побежала к спальне Шифу. Не говоря ни слова, она пинком распахнула дверь.

- Ты... - Бай Цзы Хуа увидел, как дверь внезапно распахнулась, и Хуа Цяньгу уставилась на него, стоя в дверях, ее глаза были полны удивления и страха. Он попытался приподняться, помогая себе одной рукой, а другой прикрыл рот. Однако свежая кровь, которую он выплюнул, окрасила его чистую белую мантию в красный цвет.

- Шифу! - Хуа Цяньгу бросилась к нему и отвела в сторону от груды осколков рядом с кроватью. Она непрерывно вливала свою внутреннюю энергию в его тело.

- Ты... Ты опять кашляешь кровью... - голос Хуа Цяньгу задрожал. Она протянула руку, чтобы пощупать его пульс, но обнаружила, что он очень слаб, даже его внутренняя энергия иссякает. Она знала это, знала! Невозможно так легко избавиться от этого яда. Шифу боролся изо всех сил, и день ото дня его силы слабели. Если так будет продолжаться, он умрет.

- Учитель... - Хуа Цяньгу помогла ему лечь в постель и с тревогой достала белый носовой платок, чтобы вытереть пятна крови на его губах. Его жизнь, его внутренняя энергия, его бессмертная энергия уходили с каждой каплей крови, которую он терял. В лунном свете его лицо казалось еще более бледным, чем лист бумаги.

Бай Цзы Хуа знал, что не сможет долго скрывать это от нее, он просто старался отложить это ещё хотя бы на день.

- Я в порядке. Сяо Гу, возвращайся.

Хуа Цяньгу опустилась на колени рядом с его кроватью и сжала его руку:

- Шифу! Неужели нет способа нейтрализовать этот яд?

Бай Цзы Хуа не хотел лгать ей и мягко покачал головой:

- Яд уже проник в мои кости. Нет никакого лекарства.

Хуа Цяньгу втянула в себя воздух и отказалась сдаваться:

- Кто совершил ошибку, тому ее и исправлять. Что, если мы используем котел Шэнь Нун, чтобы сделать противоядие?

Бай Цзы Хуа покачал головой: «Нет времени...» Он был не только отравлен, но и засосан в сам котел. Яд уже просочился в каждый дюйм его тела. Он медленно потеряет свое бессмертное тело, а затем обратится в пыль. Единственное, что он мог сделать, - это попытаться не поддаться яду и не превратиться в чудовище, а также стараться отсрочить свою неминуемую смерть.

- Я не верю! Я не верю! - Хуа Цяньгу крепко сжала его руку и отчаянно замотала головой. Глядя на залитый кровью пол, она вдруг закричала: - Моя кровь! Шифу, моя кровь! - Раньше наставнику становилось намного лучше после того, как он пил ее кровь.

Хуа Цяньгу схватила с земли осколок и с силой порезала себе запястье.

Хлынула свежая кровь. В тот момент, когда Бай Цзы Хуа почувствовал этот странный аромат, он потерял всякий контроль. Внезапная жажда и голод, которых он никогда не испытывал прежде, поднялись в нем.

- Уходи! - тихо выговорил Бай Цзы Хуа и с силой оттолкнул ее руку. Как он мог бесстыдно продлевать свою жизнь, высасывая кровь из собственного ученика?

- Шифу! - Хуа Цяньгу настойчиво протянула ему руку. - Если ты не будешь пить, я позволю ей течь дальше.

- Ты... - Бай Цзы Хуа был так зол, что не мог говорить.

- У Сяо Гу много крови. Всё в порядке, Шифу, просто выпей её. Ради спасения Шифу, Сяо Гу готова на всё!

Капля за каплей кровь капала на лицо Бай Цзы Хуа. На его мертвенно-бледном лице она казалась скорбно прекрасной. От такого насыщенного и необъяснимого рыбного аромата у Бай Цзы Хуа закружилась голова, и, в конце концов, он ничего не смог с собой поделать. Он накрыл губами запястье Хуа Цяньгу, не в силах видеть ничего, кроме алого цвета перед собой.

Когда она почувствовала, как тонкие губы Шифу остановились на ее запястье, все тело Хуа Цяньгу словно пронзил электрический ток. Ее ноги онемели, и она почувствовала, что все ее тело дрожит. Она опустила на колени и слабо прислонилась к кровати.

Только после того, как она увидела, что Бай Цзы Хуа мирно заснул, Хуа Цяньгу убрала руку. Рана, из которой пил кровь Бай Цзы Хуа, горела огнём, но не болела.

Она небрежно перевязала свою рану полоской ткани, вымыла пол и заменила окровавленное постельное белье и верхнюю рубашку Бай Цзы Хуа.

Только тогда она встала и вернулась в свою комнату. Из-за чрезмерной потери крови ее шаги были немного шаткими.

На второй и третий день она так и не увидела, чтобы Шифу выходил из своей комнаты. На четвертый день она прикинула, что действие ее крови должно было пройти. Ночью она остановилась у его двери. Прежде чем дверь успела открыться, она услышала холодный голос Бай Цзы Хуа:

- Возвращайся к себе!

- Шифу, но яд...

- В этом нет необходимости. Я сказал, уходи!

Хуа Цяньгу еще ни разу не слышала, чтобы Бай Цзы Хуа говорил таким резким тоном, и ей стало еще страшнее. Она повернулась и хотела уйти, но её не оставляли опасения, что наставника вновь будет рвать кровью. В глубине души она думала, что даже если ей придется пойти против приказа учителя, она должна это сделать.

Она не ожидала, что луч серебристого света ударит ей прямо в коленные чашечки, заставив болезненно опуститься на колени.

- Что велел тебе наставник? Ты собираешься игнорировать меня?

Хуа Цяньгу почувствовала себя униженной и поклонилась, сказав:

- Твоя ученица повинуется.

На следующий день она поставила кроваво-красную чашу супа из цветов персика перед дверью Бай Цзы Хуа. Суп был сварен с использованием ее собственной крови. Однако за весь день он так и не притронулся к нему.

На второй день она заменила суп белой грибной кашей, которую сварила со своей кровью, но Бай Цзы Хуа по-прежнему не двинулся с места.

На третий день она приготовила суп с финиками и кровью. Он тоже остался нетронутым.

Наступил четвертый день, пятый день...

На шестой день Хуа Цяньгу пошла забрать тарелку, и когда поставила другое блюдо с едой за дверью, та, наконец, открылась.

Бай Цзы Хуа был крайне изможден, его глаза налились кровью. Он обхватил ее одной рукой за шею и притянул к себе. Это был первый раз, когда Хуа Цяньгу увидела вспышку ярости в глазах Бай Цзы Хуа.

Она с усилием поставила перед ним чашу, ее голос дрожал:

- Шифу, съешь что-нибудь...

Бай Цзы Хуа отпустил ее руку и отступил на два шага. Такой высоконравственный человек, как он, который постиг тайну жизни и смерти, как может позволить себе снова и снова пить ее кровь?

Хуа Цяньгу с глухим стуком опустилась на колени, слегка потянула его за мантию и тихо взмолилась: «Шифу, не оставляй Сяо Гу. Если с тобой действительно что-то случится, что будет со мной? Я умоляю тебя. В крови Сяо Гу нет ничего ценного. Если её станет немного меньше, Сяо Гу не умрет. Я только прошу, чтобы ты продержался еще немного, чтобы я могла придумать способ спасти тебя!»

Сердце Бай Цзы Хуа заныло. Глядя на нее, он вдруг не знал, что делать. Он всегда был свободен от жизни и смерти и вёл себя равнодушно. Неизвестно, когда она вдруг стала чем-то, что он не мог оставить позади. Наверное, с его беспокойным состоянием ума и ядом в его теле, он начал приобретать некоторые демонические черты.

Хуа Цяньгу встала, когда он протянул руку, и позволила ему поднять повыше ее запястье.

Прежде чем она смогла отреагировать на происходящее, ее запястье пронзила боль, и она с удивлением обнаружила, что зубы Бай Цзы Хуа пронзили ее кожу, и хлынула кровь.

Ноги и ступни Хуа Цяньгу внезапно обмякли, но ее тело вовремя поддержал Бай Цзы Хуа. Всё её тело напряглось, и единственное, что было заметно, - это место на запястье, где соприкасались губы и зубы Бай Цзы Хуа. Бушующее пламя, распространившееся оттуда, прокатилось вверх и вниз по отдельности, заставляя всё её тело гореть.

Она сильно прикусила губу, чтобы не издавать странных звуков. Ее кровь, казалось, гордилась тем, что была его пищей, и стремительным потоком вырывалась наружу. Ни с чем несравнимое оцепенение и счастье нахлынули на неё подобно штормовым волнам. В этот момент, даже если бы Шифу поглотил ее целиком, она не сказала бы ни слова против.

Бай Цзы Хуа пил ее кровь менее трех секунд, затем сразу же отпустил, мгновенно нажал на ее акупунктурные точки, чтобы остановить кровотечение, затем вошел в комнату, не оборачиваясь, и закрыл дверь.

Хуа Цяньгу подняла правую руку, посмотрела на глубокий отпечаток зубов и обессилено прислонилась к стене.

***

- Цяньгу, зачем тебе так много высушенных корней астрагала, дудника, кодонопсиса и любистока сычуаньского [1]?

[1] сушеное корневище применяется в качестве лекарства для улучшения кровотока, удаления застоя крови, улучшения циркуляции Ци и утолнения болей.

Лю Сан из двора Медицины озадаченно посмотрел на нее.

Хуа Цяньгу неловко объяснила:

- Ох, я была ранена и потеряла слишком много крови. Я еще не оправилась, поэтому хочу укрепить свое тело до Собрания Священных Мечей.

- Понимаю. Кстати, в западной части здания, на верхнем этаже, в верхнем ящике лежит тысячелетний женьшень. Глава школы Лао Шань передал его в свой последний визит, чтобы выразить свою благодарность. Возьми его и съешь.

- Спасибо, - Хуа Цяньгу слегка улыбнулась и кивнула ему.

Покинув двор Медицины, она отправилась на кухню за ингредиентами. Танбао не было рядом,

а Шифу был смертельно отравлен. Вся ее жизнь перевернулась с ног на голову.

Внезапно кто-то похлопал ее по спине, и она повернула голову, чтобы увидеть, что это Шуо Фэн.

- Скоро состоится Собрание Священных Мечей. Как проходит твоя подготовка? - спросил Шун Фэн, помогая ей уложить рисовую лапшу в пакет.

- М-м, всё нормально.

- Ты уже оправилась от ран?

- Ага.

- Почему мне кажется, что ты выглядишь немного нездоровой?

- Я в порядке. Хе-хе, похоже, мы еще ни разу не дрались. Не знаю, встретимся ли мы в бою на этот раз. Если ты проиграешь мне, не очень смущайся.

Только увидев ее дерзкую улыбку, Шуо Фэн с облегчением кивнул.

Хуа Цяньгу вернулась в Чертог Безучастия, и после того, как все было сделано, она снова пошла к наставнику и обнаружила, что тот отправился на задний склон горы. Возможно, он сделал это, чтобы избежать встречи с ней, - запаниковала она.

Этот яд был настолько смертельным, что время Шифу было на исходе. Что же ей делать? Неужели единственное, что она может сделать, это давать свою кровь?

Она достала из-за пазухи белоснежный отрез шелковой ткани, на нем был рисунок Бай Цзы Хуа, который она нарисовала год назад. Хотя это был всего лишь его силуэт со спины, когда он стоял на скале, глядя вниз на горы, ей удалось хорошо передать его образ.

Однако теперь картина была испачкана красными пятнами крови.

Хуа Цяньгу почувствовала боль в сердце и легла на траву под деревом, закрыв лицо шелковой тканью. Обрывки воспоминаний о том, как они ладили, продолжали всплывать в ее памяти. Учитель любил ее и заботился о ней, тщательно обучал ее и пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти ее. Как она могла отплатить за такую доброту?

Из-за того, что она слишком много ночей тайно охраняла дверь в покои Бай Цзы Хуа, не смыкая глаз, ей очень хотелось спать, поэтому она сама не заметила как задремала. Подул

сильный ветер, шелковая ткань на ее лице отлетела в сторону, и еще один порыв ветра заставил ее пролететь мимо Чертога Безучастия и приземлиться на холмах за горой Чанлю.

Ни Мань Тянь упражнялась в фехтовании у ручья. С тех пор как она вернулась с горы Тайбай, она усердно тренировалась. Она сходила с ума от зависти из-за славы Хуа Цяньгу.

Что в ней было такого хорошего, раз она получала помощь от стольких людей? Таинственный ученый, правитель царства демонов, император мира людей. Она была просто незрелым ребенком, ростом ей по грудь!

Она знала, что теперь сильно отставала от Хуа Цяньгу. Больше ей не удастся победить Хуа Цяньгу по счастливой случайности, как в прошлый раз. Она могла только отчаянно тренироваться.

Как это могло случиться?! Хуа Цяньгу явно проигрывала ей, но благородный наставник все еще считал ее своей ученицей. Почему она с каждым годом становится все сильнее и сильнее? Неужели она действительно намного хуже нее?

Ни Мань Тянь бездумно размахивала своим мечом и рубила без разбора, разбрызгивая повсюду воду. Внезапно она увидела кусок белого шелка, плывущий в небе. Она протянула руку и притянула его к себе, внимательно приглядевшись.

- Разве это не благородный наставник?

Ни Мань Тянь с юных лет хорошо разбиралась в искусстве. По сравнению с Хуа Цяньгу, которая была сиротой, она не понаслышке знала о живописи. Она заметила любовь, вложенную в каждый штрих этого рисунка и подумала, что это было сделано учеником горы, который был одержим благородным наставником, и не могла не позабавиться.

Присмотревшись повнимательнее, она увидела слово «Хуа», вышитое в углу, запятнанное кровью, и вздрогнула.

Через некоторое время Ни Мань Тянь разразилась очаровательным и трогательным смехом, и даже птицы, животные и рыбы не смогли удержаться от мурашек по коже.

Ни Мань Тянь не вернулась в Чертог Алчности, вместо этого она направилась прямо к Чертогу Безучастия. Проснувшись Хуа Цяньгу лихорадочно искала этот платок.

- Младшая соученица, что ты ищешь? - Ни Мань Тянь остановилась на дереве и улыбнулась ей.

Хуа Цяньгу почувствовала, как ее грудь сжалась:

- Почему ты здесь? Кто позволил тебе подойти к Чертогу Безучастия?

- Ай-я. Я по доброте душевой специально пришла, чтобы вернуть вещь младшей соученице. Это то, что ты ищешь?

Ни Мань Тянь достала шелковую ткань и потрясла ею в воздухе.

Когда Хуа Цяньгу увидела это, ее лицо мгновенно изменилось.

- Верни его мне!

Она подлетела к дереву, чтобы схватить его, но Ни Мань Тянь легко увернулась.

- Цяньгу, почему ты такая свирепая? Я не говорила, что не верну его тебе!

Хуа Цяньгу почувствовала, как у нее стучат зубы:

- Что ты хочешь сделать?

- Я ничего не хочу делать! Я просто не ожидала, что у горы Чанлю будет такая недостойная ученица, как ты. - Брови Ни Мань Тянь внезапно поползли вверх, а ее голос и выражение лица стали свирепыми: - Хуа Цяньгу, у тебя много мужества! Как мог благородный наставник понравиться тебе? Это тягчайшее преступление, ты нарушила все нормы морали, оскорбила старших!

Хуа Цяньгу слышала только жужжание в ушах, и ее разум мгновенно опустел.

<http://tl.rulate.ru/book/26661/2297102>